

ПИОНЕР

Октябрь — Ноябрь

Издательство „Правда“ 1946 г.

10-11

Посмотрите на эту фотографию.

Кому из вас не вспоминается торжественный день в вашей жизни, тот пионерский сбор, когда вы стали пионерами и вам вручили пионерский галстук и значок?

Вот такой же торжественный сбор был в 214-й московской школе. В этот день пионерам всей дружины вручали пионерские значки.

Три языка пламени на значке слиты воедино. Это символ нерушимой связи трёх поколений: коммунистов, комсомольцев и пионеров, — борющихся за светлое будущее, за коммунизм. Нижние концы звезды опоясаны лентой с пионерским девизом «Всегда готов!»

ВСЕГДА ГОТОВ быть достойной сменой комсомола!

ВСЕГДА ГОТОВ жить и учиться так, чтобы стать достойным гражданином своей социалистической Родины!

ВСЕГДА ГОТОВ к труду и борьбе за великое дело Ленина—Сталина!

Об этом говорит пионерский значок. В этом клянется многотысячная пионерия нашей страны, принимая его из рук своего старшего брата — комсомола.

На снимке: пионеры отряда 6«А» класса на торжественной линейке. Старшая вожатая Галя Белякова прикалывает значок председателю совета отряда, Юре Медведеву.

Фото Е. Тиханова

Ленин и Сталин.

Рис. П. Васильева

В дни Октября

А. С. Аллилуева

Двадцать девять лет тому назад наша страна вступила в новую жизнь. Рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки. О днях борьбы за победу революции, о незабываемых великих днях Октября рассказывают эти страницы из книги Анны Сергеевны Аллилуевой «Воспоминания». Анна Сергеевна — дочь рабочего-большевика, старого подпольщика, ученика и соратника Сталина. Жизнь всей семьи Аллилуевых была тесно связана с революцией. Это была жизнь, полная труда и опасности, целеустремлённая, чистая, целиком посвящённая освобождению народа.

В 1917 году Аллилуевы жили в Петрограде. В их квартире некоторое время скрывался от преследований Временного правительства Ленин, вернувшийся из эмиграции, чтобы руководить революцией. В их квартире поселился Сталин. Образы великих вождей революции, образы балтийских моряков и питерских рабочих, мужеством которых восхищался Сталин, живые картины революционного Петрограда встают перед нами в воспоминаниях А. С. Аллилуевой.

С утра, выпив с нами чаю, Иосиф Виссарионович уходил на весь день. Не каждую ночь удавалось ему вернуться домой, к себе в комнату. Часто и папа не ночевал дома. Вечерами в столовой мы с Надей подолгу поджидали их обоих.

Я теперь работала в Смольном. Мы знали — силы большевиков прибывают. Вернувшись к вечеру домой, я говорила об этом с Надей. Она нетерпеливо расспрашивала:

— Кто выступал сегодня? Кого ты слышала, о чём говорят товарищи?..

...Я не всегда могла удовлетворить законное наивно любопытство. За будничной, канцелярской работой в одном из отделов Смольного трудно было мне ухватить всё главное, что совершалось вокруг. Тем нетерпеливей поджидали мы обе

возвращения своих. Мы торопились узнать правду о новом, сегодняшнем.

О заводах Выборгской, Васильевского, Невской заставы рассказывал отец. Всё уверенней говорил он о том, как возрастает влияние и авторитет рабочих-большевиков. Подробно о заводских событиях расспрашивал отца Иосиф Виссарионович. Он вникал во всё, советовал отцу, как поступать дальше, говорил, какими словами надо вернее бить маловеров, колеблющихся.

Мы слушали беседы Сталина. Огромное совершаемое большевиками дело становилось осязательней, понятней.

Иногда Сталин не появлялся несколько дней. Мы поджидали его и долго не укладывались спать. Бывало так, что, когда мы уже теряли

надежду и ложились в постели, в дверь к нам неожиданно стучал кто-то.

— Неужели спите? — слышали мы голос Сталина. — Поднимайтесь! Эй, вы, сони! Я тарани принёс, хлеба...

Мы вскакивали и, накинув платя, бежали в кухню готовить чай. Часто, чтобы не будить спавших в столовой отца и маму, мы собирались в комнате Сталина. И сразу становилось шумно и весело. Сталин шутил. Карикатурно, иногда зло, иногда добродушно, он изображал тех, с кем сегодня встречался...

...Были у него свои шуточные любимые прозвища. Если он был в особенно хорошем настроении, то разговор с нами он пересыпал обращением: «Епифаны-Митрофаны».

— Ну как, Епифаны? Что слышно? — спрашивал он.

Добродушно выпучивая кого-нибудь из нас или журия за неточно выполненное поручение, за какую-нибудь оплошность, он повторял: «Эх, Митрофаны вы, Митрофаны!»

Было у него ещё словечко: «Тишка». Он рассказывал, что дал такую кличку собаке, которую приручил в ссылке. Любил вспоминать об этом псе.

— Был он моим собеседником, — говорил Сталин. — Сидишь зимними вечерами, — если есть керосин в лампе, — пишешь или читаешь, а Тишка прибежит с мороза, уляжется, жмётся к ногам, урчит, точно разговаривает. Нагнёшься, потрепнешь его за уши, спросишь: «Что, Тишка, замёрз, набегался? Ну грейся, грейся!»

Рассказывал он, как в длинные полярные вечера посещали его приятели-остяки:

— Один приходил чаще других. Усядется на корточке и глядит, не мигая, на мою лампу-молнию. Точно притягивал его этот свет. Не проронив ни слова, он мог просидеть на полу весь вечер. Время от времени я давал ему пососать мою трубку. Это было для него большой радостью. Мы вместе ужинали мороженой рыбой. Я тут же строгал её. Голову и хвост получал Тишка.

Рыбу Сталин сам добывал, запасая её с тёплых дней. Но и зимой приходилось пополнять запасы. В прорубях устанавливали снасти, вешками отмечая путь к ним. Однажды зимой он с рыбаками отправился проверить улов. Путь был не близкий — за несколько километров. На реке разделились. Сталин пошёл к своим снастям. Улов был богатый, перекинув через плечо тяжёлую связку рыбы, Сталин двинулся в обратный путь. Неожиданно завьюжило. Начиналась пурга. Мгла полярной ночи становилась непроницаемой. Крепчал мороз. Ветер хлестал в лицо, сбивал с ног. Связка замёрзшей рыбы тяжелее давила на плечи, но Сталин не бросал пошу. Расстаться с ней — значило обречь себя на голод. Не оста-

навливаясь, борясь с ветром, Сталин шёл вперёд. Вешек не было видно — их давно замело снегом. Сталин шёл, но жильё не приближалось. Неужели сбился с пути?

И вдруг, совсем рядом, показались тени, послышались голоса.

— Го-го-го! — закричал он. — Подождите!..

Но тени метнулись в сторону и исчезли. Голоса смолкли. В шуме вьюги он только слышал, как ударялись друг о друга замёрзшие рыбы за его плечами. Теряя силы, он всё же продолжал идти вперёд. Остановиться — значило погибнуть. Пурга всё бушевала, но он упрямо боролся с ней. И когда казалось — надеяться уже не на что, послышался лай собак. Запахло дымом. Жильё! Ощупью добрался он до первой избы и, ввалившись в неё, без сил опустился на лавку. Хозяева поднялись при его появлении.

— Осиц, ты? — они в страхе жались к стене.

— Конечно, я. Не лешак же!

— А мы встретили тебя и подумали — водяной идёт. Испугались и убежали...

И вдруг на пол что-то грохнуло. Это отвалилась ледяная корка, покрывавшая лицо Сталина. Так вот почему шархнулись рыбаки там, по пути. Обвешанный сосульками, в ледяной коре, он показался им водяным. Да ещё рыба, звеневшая за его плечами! Он не мог удержать смеха, глядя на остяков, смущённо окружавших его.

— Я проспал тогда восемнадцать часов подряд, — вспоминал он, рассказывая о пурге.

Иногда во время вечерних чаепитий в его комнате Сталин подходил к вертящейся этажерке у кровати и доставал томик Чехова:

— А хорошо бы почитать. Хотите, прочту «Хамелеона»?

«Хамелеон», «Унтер Пришибеев» и другие рассказы Чехова он очень любил. Он читал, подчёркивая неповторимо смешные реплики действующих лиц «Хамелеона». Все мы громко хохотали и просили почитать ещё. Он читал нам часто из Пушкина и из Горького. Очень любил и почти наизусть знал он чеховскую «Душечку».

— Ну, эта-то! Настоящая «душечка», — часто определял он чеховским эпитетом кого-нибудь из знакомых.

Рассказывая о самых больших, серьёзных событиях, он умел передать, подчеркнуть их смешную сторону. Его юмор точно и ярко показывал людей и события. Помню, как повторяли у нас дома его рассказ о заседании ЦК, на котором обсуждался вопрос о том, садиться ли Ленину под арест. Сталин изображал, как темпераментный Серго Орджоникидзе, хватаясь за несуществующий кинжал, восклицал:

Сталин в ссылке.

Рис. П. Баранова

* * *

— Бинжалом того колоть буду, кто хочет, чтобы Ильича арестовали!

Приятельски ровно умел обходиться Иосиф Виссарионович с молодыми нашими друзьями, завсегдатаями дома, — федиными товарищами, моими и надиными подругами.

Как бы поздно ни возвращался домой Иосиф Виссарионович, он и после наших чаепитий и после бесед с мамой и отцом всегда усаживался за работу. Усталость, вероятно, брала своё, и, может быть, поэтому у Иосифа Виссарионовича выработалось обыкновение — прежде чем сесть за письменный стол, ненадолго прилечь на кровать. Дымя трубкой, он сосредоточенно и углублённо молчал, а потом неожиданно поднимался и, сделав несколько шагов по комнате, садился за стол. Как-то случилось, что Сталин задремал с дымящейся трубкой в руке. Проснулся он, когда комната уже наполнилась гарью: тлео одеяло, прожжённое огнём из трубки.

— Это со мной не впервые, — с досадой объяснил Сталин, — как ни креплюсь, а вдруг и задремлю...

Большевики, конечно, победят, и мы не сомневались в этом. Мы знали, что на Выборгской стороне, там, где продолжал жить дядя Ваня и куда мы часто заходили, рабочие открыто требуют передачи власти партии Ленина. Мы видели, как кипел наш Сампсониевский. Там слушали только большевистских ораторов. Меншевикам лучше было там не показываться.

— Вот скоро появится Ленин, — говорят на Выборгской. — Тогда всё будет иначе...

Но Ленин ещё не мог вернуться в Питер. Мы знали, что из Разлива он уехал в Финляндию. Уже перед самым Октябрьским переворотом как-то днём в квартиру позвонили. Я пошла открыть.

На пороге стоял невысокий человек в чёрном пальто и финской шапке. Безбородое лицо с короткими усами мне показалось незнакомым.

— Кого вам? — недоумеваю, спросила я.

— Сталин дома?

И тут по голосу я узнала Ленина:

— Боже мой! Да вы, Владимир Ильич, настоящий финн!

— Здрóрово, правда? — Ильич рассмеялся. — Сталин дома? — ещё раз спросил он.

В переднюю выглянула мама. Она не могла удержать радостного возгласа:

— Да как же я рада! Владимир Ильич!.. Здравствуйте!..

Ильич обнял её, они расцеловались.

Сталин был дома и уже выходил в переднюю. Он из комнаты услышал голос Ильича. Мама пригласила обоих в столовую, предлагала поесть чего-нибудь. Ленин отказался. После короткой беседы он вместе со Сталиным ушёл из дома.

В напряжённой предоктябрьской жизни Смольного сходились нити того, что свершилось в вечер осеннего дня 25 октября; Ленин, ещё не показываясь открыто, невидимо присутствовал при выполнении своих указаний.

Сталина я видела в Смольном: домой он приходил ещё реже. Иногда звонил нам по телефону, который был внизу, в подъезде.

— Зайду сегодня, — говорил он кому-нибудь из нас, кто спускался вниз на вызов швейцара, — может, удастся пораньше. Дома будете? — спрашивал он.

— Заходите обязательно, — просили мы его, догадываясь, что он не спал уже несколько ночей. — Приходите скорей.

— Постараюсь. Через час, может, буду.

Через час ему зайти не удавалось, но мы не расходились спать, поджидая его.

Он был доволен, если заставал всех нас в столовой.

Дома, с нами, Сталин был по-обычному общителен, спокойно насмешлив.

— А мы уже волновались, — встречала его мама. — Почему вас так долго не было? Ведь время-то какое — не знаешь, что и думать.

Иосиф Виссарионович не упускал случая подтрунить.

— Зачем же волноваться? — притворно серьёзно отвечал он. — Это я должен беспокоиться, Ольга Евгеньевна. Какле вы там речи произносите в госпитале! Керенский вас давно должен схватить.

— Вы всё шутите, — не успокаивалась мама, — а вот посмотрите на себя, как похудели... Так тоже нельзя.

Но он продолжал отшучиваться, и под общий смех мама безнадежно махала рукой.

Часто Сталин говорил о замечательных, простых людях-питерцах — рабочих, моряках солдатах, — с которыми встречался. Он находил в них черты большого человеческого мужества, простоты, скромного героизма. Он рассказывал о поразившем его поступке или словах кого-нибудь из этих людей, повторяя:

— С такими людьми можно совершить всё...

Он умел и осуждать. Трусов, неверов, предателей он клеймил короткими, жёсткими определениями.

Я помню, как он пришёл домой накануне Октября. Скинув с себя в передней кожаную куртку, — эту куртку и такую же фуражку он носил с начала осени, — Сталин прошёл к нам.

— А, Иосиф! — обрадовались мы.

Мама торопилась покормить его. Придвинув стакан чая, Сталин заговорил с отцом о том, что происходит в городе. Он выслушал отца, а потом сказал очень спокойно:

— Да, всё готово! Завтра выступаем. Все части в наших руках. Власть мы возьмём...

После Октября, после того, как усилиями Ленина и его соратников была установлена народная власть, Сталин пришёл домой такой же спокойный. О событиях 25 октября он рассказывал, восхищаясь мужеством людей, смелостью, величием совершённого ими.

Он подробно рассказал, как заняли телефонную станцию балтийские моряки.

— Шли, как железные... Из окон по ним палят юнкера, пули косят одного за другим, а они идут, не дрогнут... Молодцы, молодцы! Вот это настоящие русские люди!

Рассказывал о моряках ещё и ещё. О горсточке кронштадтцев, завладевших броневиком.

— Из броневика строчит пулемёт, команда оттуда рвётся напролом, — так передавал он этот эпизод, — а матросы не отступают — окружили машину, гремят: «Ура, ура!» В броневике растерялись. И сдались. Вся команда сдалась в плен.

И опять повторил:

— Молодцы, молодцы!

В Смольный сообщали: к Зимнему, где засело Временное правительство, идут вооружённые рабочие, движутся части питерского гарнизона. Штурм Зимнего начинался.

А вечером в Смольном должен открыться II съезд советов. Уже известно, что большинство делегатов съезда — большевики. В Смольный они прибывают отовсюду, — это всё рабочий люд и крестьяне. Я смотрю на делегатов, говорю с ними, указываю, куда им пройти. Внутреннее моё волнение переходит в уверенность: мы победим. Я уже знаю, что Ленин в Смольном. Он выступает на фракции большевиков.

В Смольный на открытие съезда я обещала взять Надю. Я должна пробраться домой и с Надей вернуться обратно. В сумерках мне удаётся выбраться на улицу. Я бегу, сжимая в кармане пропуск для Нади. Удивляюсь спокойствию улиц, их тишине и безлюдью. Моросит дождь. Осенний питерский ветер пронизывает насквозь.

Дома застаю Надю одну. Я тороплю её. Наскоро что-то ем, и мы выходим. Промозглая ноч-

ная тьма кажется непроницаемой. Фонари не горят. Мы идём по трамвайным путям, дождь сменился снегом, и мокрые хлопья падают на нас. Кроме нас, на улице ни одного прохожего. Мы отходим уже далеко, когда впереди вырастает тень. Обгоняем её. Это какой-то старик, он шагает по рельсам. С ним рядом понуро плетётся собака. Палка старика гулко стучит по мостовой.

— Не укусит нас ваша собака? — спрашиваем мы, обрадовавшись попутчику.

— Не бойтесь, — говорит старик, — она не кусается. Куда же это вы, девушки, в такой темноте? Непокойно ведь в городе... У Зимнего, сказывают, бой идёт...

— По делу мы, дедушка, по делу...

Старик сворачивает в сторону, и в непроницаемой темноте мы опять остаёмся одни. Но вот мелькают огни. Мы близко от площади Смольного. Видны уже его окна, ярко освещённые изнутри.

Показываем наши пропуска часовому и входим. Сразу ослепляет свет, ошеломяют шум и движение людской толпы. Пробираемся к залу заседаний. Ищем знакомые лица. По возбуждённым голосам, по громким восклицаниям мы угадываем, что произошло что-то очень большое.

И неожиданно в толпе, движущейся нам на

встречу, узнаём Сталина. Он идёт, окружённый товарищами. Мы решаемся окликнуть его. Сталин останавливается и кивает нам:

— А, вы!.. Хорошо, что пришли! Слышали? Только что взят Зимний! Наши уже вошли в него!

А на другой день, вечером 26 октября, в Смольном на 2-м заседании съезда советов, я увидела Ильича. Как и накануне, шумели, гудели голосами залы и коридоры. В Колонном зале Смольного, где шло заседание, люди сидели повсюду, у дверей и в проходах стояли стеной.

Меньшевики ещё пытались выступать. Но зал не слушал их. Делегаты кричали с мест:

— Уходите, не мешайте!

Но вот Ленин, такой обычный, знакомый, в чёрном своём стареньком костюме, показывается на трибуне.

— Ленин, Ленин! — рукоплещут иступлённо делегаты.

Лица у всех радостно преображаются. Ведь они встречают Ленина после долгого его отсутствия, после того, как всё, предугазанное им, они свершили.

Наступает тишина. Ленин, своим неповторимым жестом вытягивая вперёд руку, начинает:

— Пролетарская революция в России свершилась!..

Штурм Зимнего.

С картины А. Кузнецова

о пионерской чести

Трижды Герой Советского
Союза гвардии полковник
Александр Покрышкин

ЗА ПИОНЕРСКИЙ ГАЛСТУК...

Когда я был пионером, в одном отряде случилась такая история: пришли пионеры на сбор, построились на линейку, и тут все увидели, что один пионер без галстука. Вожатый сделал замечание. Пионер смутился и сказал:

— Ах, да, я забыл... Сейчас... — вынул галстук из кармана и надел.

Ребята удивились. После рапорта вожатый спросил:

— Почему же всё-таки ты вздумал спрятать галстук?

Мальчик стал объяснять. На сбор ему надо ходить через квартал, где в подвале одного дома устроились беспризорники. Они встретили его, когда он шёл мимо. Чумазый, оборванный предводитель этих ребят загородил дорогу и сказал: «Эй, ты, франтик! Будешь ещё тут форсить своим галстуком, — прибьём. Ишь, вырядился! Ва-ажная птица!» Это было вчера. Сегодня надо было спешить на сбор, другой дорогой, в обход, идти долго, вот парень и сунул галстук в карман, а потом забыл надеть.

Красный галстук, частица знамени, под которым рабочие сражались и умирали за революцию, за коммунизм, — символ пионерской чести! Спрятать в карман свою честь, словно носовой платок какой-нибудь! Ребята слушали и ушам не верили. У всех щёки горели от стыда. Поступок этот пятном ложился на весь отряд.

Ребята долго обсуждали происшедшее.

Мальчик стоял и чуть не плакал, но всё же, сдерживаясь изо всех сил, сказал:

— Я понял. Галстук в кармане носить не буду больше. Когда я прятал галстук, я просто

не подумал как следует, что означает такой поступок. Конечно, теперь все вправе считать, что я струсил. Но это не так, вы увидите.

После сбора всем отрядом стали советоваться: галстук парень больше не спрячет, другими улицами не пойдёт. Но нельзя же допустить, чтобы его поколотили! И ребята решили пойти вместе с ним. Он отказался, да ещё как рассердился, если бы вы только видели!

— Ни за что! Свой галстук я сам буду защищать, вы не должны вмешиваться.

Все поняли его, но всё же несколько пионеров пошло за ним следом. Беспризорники встретили их, и произошла драка. Беспризорников было больше, но пионеры не сдались.

Так продолжалось несколько дней. И знаете, чем всё это кончилось? Беспризорники вовсе не были убеждёнными врагами пионеров. Это были такие же дети рабочих, только жизнь у них сложилась горько, они потеряли родителей в гражданской войне. Они, в сущности, и не знали, что это за пионеры, а война, которую они объявили мальчику в красном галстуке, была просто озорством. Но когда они увидели его упорство и стойкость, постепенно вражда сменилась любопытством, смешанным с уважением. Захотелось узнать, понять: что же это такое?

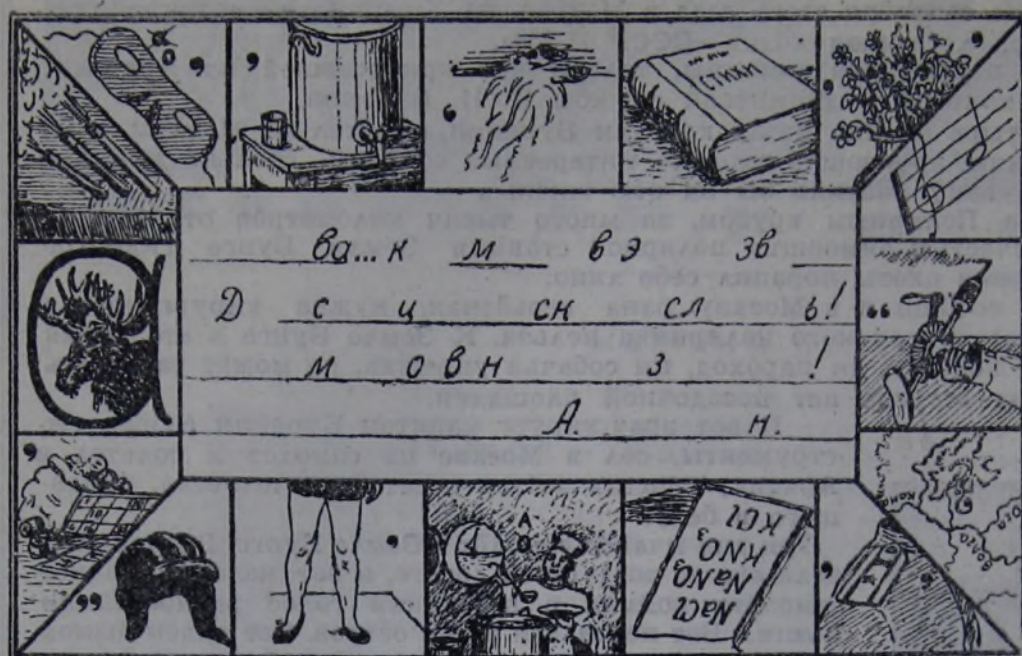
И вот однажды, когда ребята шли знакомой улицей, на пути снова выросла взлохмаченная и грязная фигура предводителя. Сейчас раздастся сигнальный свист... Ребята приготовились к очередной неравной схватке. Но сигнала не последовало. Беспризорник как-то сконфуженно и неловко протянул руку и, показывая на галстуки, спросил:

— Почему вы так стоите за это? Ведь мы вас лупцуем чуть не каждый день, а вы всё не опинаете... Какая вам выгода, а?

— Не из-за выгоды мы...

Начался разговор о пионерском галстуке. Все присели на ближайшее крыльцо...

Загадки, задачи, головоломки

Ребята, в этом тексте много букв стёрлось. К счастью, все знаки препинания сохранились. Восполнить буквы вам помогут ребусы, которые надо читать, начиная с левого верхнего угла. Как только вы прочтёте, пожалуйста, напишите нам скорей, что здесь написано.

Как я выигрываю?

Есть такая игра: один говорит любое число меньше десяти, второй прибавляет к этому в уме какое-нибудь другое число, но тоже не больше десяти, и говорит сумму. Потом снова первый говорит новую сумму. И так до тех пор, пока не получится в сумме 100. Выигрывает тот, кто скажет сто.

Если начинать мне, — я берусь выиграть наверняка. Если начинать тебе, — я почти наверняка выиграю.
Догадайся, как я это делаю.

Встречные поезда

Из Москвы в Ленинград через каждый час отходит поезд и прибывает к месту назначения ровно через 12 часов. Из Ленинграда в Москву в 12 часов ночи выезжает пассажир на поезде, который проходит всё расстояние также ровно в 12 часов. Сколько встречных поездов попадет пассажир, едущему в Москву, за всё время его пути?

Вопрос такого рода был задан известным французским математиком Эдуардом Люка целому съезду математиков, и почти все они, не подумав, дали неверный ответ.

Задача эта легко и наглядно решается графически. Попробуйте решить её и пришлите свой ответ нам.

Задача-шутка

В коробке лежало 7 конфет, нужно разделить их на 7 человек, но так, чтобы всем досталось по конфете и в коробке осталась одна конфета.

СОДЕРЖАНИЕ

В дни Октября — А. С. Аллилуева 1 стр.	Серебряный остров — Окончание. Повесть Н. Чуковского. Рис. Б. Виллукурова 31
О пионерской чести — Трижды Герой Советского Союза А. И. Покрышкин 6	„Три сказки“ Евг. Шварца. Библиография — В. Гальченко 37
Повесть о сыне — Ел. Кошевая. Рис. Ф. Лемкуля 9	Отовсюду и обо всем 38
Аркадий Гайдар — Б. Емельянов. Рис. В. Цельмера 18	Загадки, задачи, головоломки 40
Победа стального шарика — А. Некрасов. Рис. Ф. Лемкуля 23	Почтовый ящик III п. обл.
У московских причалов — Н. Андреев 28	Гимнастическое „восьмиборье“ — В. Яковлев. Рис. А. Бря IV п. обл.
Страничка творчества наших читателей 30	

На обложке: рисунок лауреата Сталинской премии Л. Голованова „Молодогвардеец“.

Редколлегия: Алякринский П. А., Баканов Н. А., Ершов Г. А., Ильина Н. В. (отв. редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Орлов В. И., Смирнова В. В., Соловьёв А. Д.

Подписано к печати 26/XI—46 года. Изд. № 701. 82×110.

А—08639. 76 999 печ. вл. в печ. листе, 5 печ. л. Тираж 37500. Заказ 2203.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.